

29. ВЕЛИКИЙ ШОТЛАНДСКИЙ РЫЦАРЬ СВЯТОГО АНДРЕЯ

Восхитительная традиция, некоторым образом связанная с лабарумом Константина, почитает древний крест Св. Андрея¹. Легенда гласит, что Ангус², в IX в. правивший шотландскими пиктами, удостоился в ночь перед битвой видения, в котором апостол Андрей обещал ему победу; и в знак нерушимости своего обетования он пообещал явить в небе над войсками пиктов крест, на котором претерпел страсти и погиб. Проснувшись, Ангус взглянул в небо и увидел там обетованный крест, который узрели и оба войска, готовые вступить в сражение; Ангус и его пикты, возблагодарив апостола за обетование победы и смиренно помолясь и воскурив фимиам, поклялись в том, что отныне они и потомки их на поле боя будут носить на своем знамени крест Св. Андрея.

Джон Лесли, епископ Росский, пишет, что этот крест являлся в свое время Ахею³, королю скоттов, и Ангусу, королю пиктов, в ночь перед битвой их племен с войсками короля Англии Ательстана⁴, и те преклонили пред ним колени.

Любой рыцарский крест является эмблемой девяти качеств Святого Андрея Шотландского, ибо любой рыцарский орден требовал от своих членов следования одним и тем же добродетелям и путям совершенства.

Смирение, терпение и самоотречение, вот три основных качества рыцаря Св. Андрея Шотландского. Крест, освященный кровью погибших на нем святых мучеников; крест, который, спотыкаясь, нес по улицам Иерусалима к Лысой горе на Своих плечах Иисус из Назарета; крест, на котором Он воскликнул: «Отче мой! не как я хочу, но как Ты!»⁵ тем самым красноречиво и безошибочно указав именно на эти три добродетели. Он умер на кресте потому, что он жил среди слабых сих, учил их и нашел Себе учеников среди галилейских рыбаков и всеми отверженных мытарей. Вся жизнь Его была высшим образцом смирения, терпения и самоотречения.

Госпитальеры⁶ и тамплиеры приняли на свои плечи обеты бедности,

---

¹ Это имя носят двое святых, однако Пайк определенно имеет в виду апостола, брата Симона Петра и ученика Иоанна Крестителя (поэтому совершенно естественно было для него последовать за Иисусом). Помимо версии Пайка о причинах покровительства Св. Андрея Шотландии, существуют также свидетельства его видения во время осады Патраса (Гиббон, «Закат и падение Римской империи», т. ii, стр. 313 – 314). Сообщение о его распятии на кресте в форме буквы «X» относится к IV в. и не подкрепляется практически никакими историческими данными. – Р. Х.

² Другие варианты написания имени – Энгус, Хунгус, Унгус, Хенгис. Правитель пиктов, упоминаемый в «De origine, moribus et rebus gestis Scotorum» Лесли в связи с поисанием поражения, нанесенного Константину II союзом северных королей во главе с Ательстаном в битве при Брюнабурге в 937 г. н. э. – Р. Х.

³ Пайк упоминает это имя, косвенно цитируя работу полковника Форбса Лесли «De origine, moribus et rebus gestis Scotorum: Early Races of Scotland, 1578», где так зовут шотландского короля, воевавшего с Ательстаном, королем англских племен в 924 – 939 гг. В действительности этого короля звали Константином. – Р. Х.

⁴ Первый саксонский король Англии (ум. ок. 939 г.), которому некоторые исследователи приписывают основание английского государства. Упоминается в связи с масонством в манускрипте «Regius» (также именуемом Халливельским манускриптом), старейшем произведении масонской тематики (ок. 925 г.). – Р. Х.

⁵ У автора неточность. Эти слова Иисус произносит в Гефсиманском саду во время так называемого «моления о чаше» От Матфея, 26:39; От Марка, 14:36; От Луки, 22:42. – прим. перев.

⁶ Известный под многими названиями, этот рыцарский и монашеский орден был основан в XI в. Карл V даровал ему в 1530 г. остров Мальта, который они успешно обороняли от

послушания и безбрачия. Агнец, изображенный на печати Ордена Бедных Собратьев-Воинов Храма Соломона, преподавал своим толкователям уроки тех же самых смирения и бедности, потому что с ним соседствовало изображение двух рыцарей на одном коне. Великий Командор, посвящая в рыцари очередного кандидата, всякий раз предупреждал его о том, что не следует вступать в этот Орден в ожидании обрести земные богатства и почести. Он сообщал кандидату, что тому придется претерпеть многочисленные ограничения его свобод и намерений, что ему придется совершенно отказаться от собственного волеизъявления и полностью отдаться на милость своих старших братьев.

Дома религиозного Ордена Тамплиеров, разграбленные войсками достойной дочери английского короля Генриха VIII Елизаветы потому, что рыцари отказались признать за ней верховную церковную власть, были центрами сбора милостыни, ее распределителями и приютами для многих тысяч бездомных детей и сирот, от забот о которых они, таким образом, освобождали государство; это были своего рода вороны Господа, денно и нощно сбиравшие свою дань отринутых обществом и оставленных в пустыне. Они были странноприимными домами для всех путников, которые в ночной тьме, издали услышав звон колокола, зовущего рыцарей к вечерне, шли на него и обретали в доме рыцарей одновременно покой и хороший уход, а утром, при свете утренней звезды, пели с ними вместе на заутрене и потом, радостные, продолжали свой путь. Рыцари Храма были известны во всем мире не только поразительной отвагой в битве, но и неизмеримыми нежностью и заботой к сирым и убогим, к больным и умирающим.

Рыцари Святого Андрея клялись защищать сирот, дев и вдов благородного происхождения, а также, лишь услышав о том, что где-то хозяйничают, принося вред людям, убийцы, грабители или воры, немедленно использовать все свои силы и способности, дабы привлечь их к суду.

«Коли тебе выпадет удача, гласит текст клятвы Рыцарей Красного Креста (RougeCroix), в любой земле и каждой стране, куда бы ты ни отправился, конно или пеше, ты найдешь человека доброго имени, благородного и служилого, истратившего свои сбережения на исполнение долга веры или долга рыцарственного служения, на службе королю, или на какую-либо еще богоугодную цель, и впавшего в нищету; и ты поможешь ему, поддержишь его и утетишь его всем, чем сможешь; и ежели он попросит у тебя твое добро, чтобы поддержать свою плоть, ты дашь ему такую часть ниспосланного тебе Богом, какую позволят тебе способность и соображения собственного благополучия».

Милосердие, великодушие и доброта – это даже более значимые добродетели истинного и совершенного Рыцаря; и так было во все века. Истинно благородный человек никогда не добивает поверженного. Отвага бывает смирена лучше всего, когда жестокая и суровая смелость превращается в нежную жалость и истинное милосердие, которые никогда не сияют таким невыразимым светом, как когда они закованы в стальные доспехи. Милосердный воин одинаково побеждает и в битве, и в мирной жизни; следуя двумя указанными путями, он с честью выходит из любого

Оттоманской империи, но не устояли перед армией Наполеона, захватившего его в 1798 г. Название ордена происходит от госпиталя, который он основал на Святой Земле для раненых и больных паломников и крестоносцев. – Р. Х.

положения. Славнейшие люди мира сего обладали одновременно и смелостью, и милосердием. Один воистину смиренный враг значит во много раз больше целой колонны пленников, возглавляющей шествие древнеримского триумфатора.

Добродетель, Истина и Честь суть три основных качества Рыцаря Святого Андрея. «Ты обязуешься возлюбить Господа превыше всего в мире и быть тверд в своей вере, гласило обязательство Рыцаря, ты будешь верен Всевышнему Господу, своему слову и своему обязательству. И ты не воссядешь ни в каком месте, где кого бы то ни было осудили несправедливо».

Закон не имеет силы поразить добродетельного человека, и судьба не поразит своим ударом человека мудрого. Только Добродетель и Мудрость суть совершенные хранительницы человека. Ризы Добродетели так святы и так непорочны, что и князья мира сего не осмелятся ударить человека, облаченного в них. Это орденское облачение Царя Небесного. Они защищают нас, когда мы безоружны; они само по себе оружие, которое нельзя потерять, если только мы остаемся верны себе. Они в нашем владении потому, что через них мы способны устанавливать связь с Царствием Небесным, вне влияния которого мы суть всего лишь парии, изгнанники, не имеющие права претендовать на его защиту. Нет и не может быть и мудрости вне добродетели – без нее мудрость есть всего лишь хитроумное средство оправдания собственных проступков.

*«... настанет час,
Когда глас мудрости внимающую душу
Найдет средь завываний зимних бурь,
Как песня зимородка в мгlistом небе
Уж возвещает близкую весну ...»*

Сэр Ланселот считал, что никакое рыцарственное служение не может сравниться с рыцарством Добродетели⁷. Это слово здесь обозначает не столько умение владеть собой, сколько мужество, то есть включает в себя значение, передававшееся в древнеанглийском языке словом «souffrance», то есть терпение и стойкость, которые подобны изумруду, вечнозеленому и цветущему; а также и еще одно значение – по-древнеанглийски, «droiciture» то есть честность, качество столь могущественное и величественное, что именно оно чуть ли не заставляет все вещи в этом мире оставаться неизменными. Даже наши мечи выкованы такими, чтобы неизменно напоминать нам о знаке Креста, дабы ты, и любой другой из наших братьев, жил и всей своей жизнью показывал, что, живя по законам добродетели, человек становится бессмертным; мир сей есть обитель слез и горя, великих зол и постоянных несчастий, и если мы стремимся жить в нем по законам чести, мы должны тщательно ознакомиться со всеми рыцарскими добродетели и следовать им, сделать их своими близкими друзьями, причем, необходимо помнить, что, если последними мы просто холодно пользуемся и не всегда им доверяем, они превращаются в приятелей, то есть как друзей мы их фактически теряем.

---

⁷ Один из легендарных рыцарей Круглого стола короля Артура. Лучше бы Пайк выбрал примером добродетели его сына сэра Галахада, поскольку добродетель самого Ланселота не распространялась на супругу его сюзерена – короля Артура – леди Гвиневеру, которую он соблазнил. – Р. Х.

Нам не следует с нетерпимостью или гневом взирать на приносящих нам вред; это было бы совершенно несовместимо со всей философией, а особенно с Божественной Мудростью, управляющими истинным Князем Адептом, не придающим равным счетом никакого значения всему злу, которое мир, которое невежественные люди – будь они облачены в рясы или кольчуги, могут принести ему. Благословение Господа и любовь наших братьев покоятся на фундаменте, который не сотрясет сила наших зложелателей; с ними и с великодушием и достойным хладнокровием мы достигнем всего. Дабы соответствовать своему званию как Вольных Каменщиков, дабы сохранить свое природное достоинство, уверенность в своей собственной непорочности, дух высокого рыцарства, которым мы законно гордимся, мы должны презреть всякое телесное, материальное зло; для нас оно должно стать своего рода фантомной болью, раной, нанесенной во сне.

Обрати свой взор в далекое прошлое, сэр [имярек], и ты узришь там чудные примеры Добродетели, Истины и Чести и, достойно усовершенствовав, сам претворишь в жизнь добродетели рыцарей древности, первых госпитальеров и тамплиеров, Баярда, Сиднея и Святого Людовика⁸; говоря словами Плиния⁹ (в его письме к Максиму), «Почитай славу древних и те незапамятные времена, которые в человеке достойны, в городах – святы». Почитай древность и великие свершения, и ни у кого не отнимай ни самой малой частицы свободы и достоинства. Если ныне те, кто претендует на звание великих и могущественных, мудрых и ученейших в этом мире, порешат опорочить память героических деяний рыцарей прошедших дней, и осудят нас за то, что мы полагаем, что память их следует хранить в памяти вечно, вспомни, что если бы те, кто ныне тщатся управлять миром и учить его, начали бы порицать или осмеивать твою скромную лепту верности, ты все равно должен смиренно следовать своей стезе и не стыдиться, ибо настанет день, когда все порицающие и стыдящие тех, кто неизмеримо выше и достойнее их, будут опорочены как прожившие пустую и сострадания достойную жизнь, и мир с радостью мгновенно забудет о них.

Но также не должен ты верить и в то, что в наш совершенно иной век, век торговли и коммерции, обширных возможностей для многих, нищеты тысяч и тысяч, процветающих городов и ночлежек, полнящихся бездомными, церковей с взятыми напрокат скамьями, век театров, опер, таможен и банков, век пара и телеграфа, магазинов и настоящих дворцов коммерции, мануфактур и профсоюзов, век золотого запаса и фондовой биржи, газет, выборов, Конгресса и прочих законодательных органов, жестокой и безжалостной борьбы за богатство и постоянного соперничества из-за престижного места и власти, век религиозной веры, выраженной в конкретной денежной сумме, регулярно выплачиваемой детям Маммоны, алчности власть имущих, что в этот век нет людей древнего высокого образца, который тебе следует почитать, нет

---

⁸ Святой Людовик (1214 – 1270) – Людовик IX, французский король, канонизированный Папой Римским Бонифацием VIII, известен своими рыцарской доблестью и монаршей мудростью. – Р. Х.

⁹ Плиний Младший (61 – 113 гг. н. э.) – племянник Плиния Старшего, государственный деятель и автор коротких эссе, написанных в форме писем к другу, основоположник целого жанра подобных эссе в римской литературе. Пайк, вероятно, использует в качестве источника «Письма консула Плиния» (1746) в английском переводе Мелмота. – Р. Х.

героических, рыцарственных душ, сохраняющих понятия о равенстве и чести даже в хаосе противоборствующих страстей и амбиций окружающих их беспорядочных столкновений.

По правде говоря, любое государство со временем превращается в заговор против свободы, или, где общественный пост обеспечивает должное число поданных за кандидата голосов, впадает в такое состояние, когда крайне немногих обладающих достойными рыцарскими добродетелями можно найти среди правящих народом и указывающих ему, как жить. Правда также и то, что в наш век люди становятся славными и знаменитыми совершенно не за счет добродетелей и многие славные и знаменитые люди в действительности суть лакеи и льстецы, между тем как в рыцарский век их жертвоприношение лести осталось бы без всякого вознаграждения, ибо в таких людях нет ни рыцарственности, ни чести; а ведь за таких людей, равно как и за всех остальных, легко отдает свои голоса толпа, редко любящая, воспринимающая истину и редко делящаяся ею, вечно устремленная за удачей и ненавидящая все порицаемое, вечно готовая поклоняться всему официально почитаемому, обожающая обвинения и ненавидящая оправдания, вечно ожидающая и готовая немедленно уверовать во все плохое, что говорится о тех, кто не заботится о своей славе в глазах толпы и не ищет ее одобрения.

Однако ни в какой стране не могут совершенно отсутствовать люди старой героической закалки, чье слово никто не осмелится подвергнуть сомнению, чья добродетель сияет неугасимым светом среди всех потрясений и неурядиц, отвергая все искушения, чья честь блистает и сверкает, подобно совершенно ограненному бриллианту; это люди, которые не продались в рабство материальным благам и удовольствиям этой жизни, которые полностью не погрязли в торговле, разведении скота, составлении и применении законов о налогах, попытках обойти закон, политических склоках, низменной торговле безнравственной литературой или бессердечных, пустых суетах вечных легкомысленных развлечений. Каждое поколение жителей любой страны тянется к тем, кто преуспел в воспроизведении великих деяний прошлого, чтобы обрести от них знания и истинное посвящение; такие люди были и среди римлян, даже в годы правления самых низменных императоров, в Англии – даже во время правления Долгого Парламента, во Франции – в годы сатурналий атеизма и смертоубийства; даже в историю блистательной Америки вошли несколько таких людей.

Когда в любой стране под Солнцем жизненные обстоятельства начинают складываться таким образом, что все управление этой страной и все обычаи и нравы проживающего в ней народа побуждают стороннего наблюдателя совершенно разувериться в добродетели и чести тех, кто, по долгу своему, должен создавать законы и надзирать за их соблюдением; когда всякий житель этой страны, занявший высокий общественный пост или накопивший значительные материальные средства с презрением и подозрительностью взирает на всех прочих; когда бесчестие более не позорит человека на всю оставшуюся жизнь и честное слово более не является гарантом исполнения принятого на себя обязательства; когда житель этой страны не ожидает ни от кого из окружающих веры своему честному слову; когда никто в этой стране не способен открыто выражать свои чувства и пристрастия или сохранять верность одной политической партии, или одной социальной группе, или одной цели, особенно если ему

предлагается солидная взятка; когда всякий общественный деятель, говоря что-то, заранее предполагает, что в прессе его слова появятся в искаженном, «дополненном» и неверно перетолкованном виде; когда для кого-то трагедия всей своей страны обращается в личную выгоду; когда пресса превращается в рассадник разврата и сводничества; когда с церковной кафедры раздаются политические обвинения и призывы к Богу покарать политических противников, которые излагаются со всем красноречием, на которое оказывается способен проповедник, а потом публикуются в печати, точно стихи или программы политических партий; когда повсеместно подвергается сомнению беспристрастность судей и честь законодателей, тогда народ, конечно, задумается о том, насколько в старину было лучше, чем сейчас, насколько монастыри лучше опер-буфф, маленькие часовни – лучше пропитанных алкогольными парами салунов, а церковные подворья – лучше современных зданий заводов, огромных, как древние соборы, но совершенно лишенных их красоты и святости, этих «храмов» Ахерона¹⁰, из которых прохожий слышит раздающийся там неумолчный шум, звяканье и рев станков, начинающийся рано поутру, когда пронзительным звоном несчастных смертных призывают в цеха, а не на молитву, «храмов», в которых, как писал некий обладавший живым воображением поэт, «ведется вечная служба во славу Сатаны при свете пламени неугасимых кузнечных горнов».

Справедливо было сказано в свое время, что все уводящее нас в сторону от чувственного восприятия, все заставляющее нас предпочесть прошлое или неизмеримо отдаленное будущее настоящему возвышает нас как мыслящих существ. Современные соперники модных в свое время немецких курортов, со всеми их расточительством и дешевой утонченностью, роскошью и мелочностью, тщеславием и легкомыслием, причудами, хрониками балов и безвкусных пиров, бюллетенями самых модных женских имен и фасонов одежды, вряд ли являются достойной заменой монастырям и церквям, которые наши предки строили в уединенных долинах и на пустырях, зажатых между скалистыми горами и мрачными кипарисовыми рощами; и человек, склонный к размышлениям, образованный и поэтически вдохновенный, был бы рад сменить шикарный отель со всей его показной роскошью, шум и суету большого города, аляповатую сельскую таверну на один лишь маленький, скромный монастырь на перекрестке проселочных дорог, где его и его коня накормили бы и предоставили бы место для отдыха, где ему не пришлось бы опасаться гордыни, подлости и неучтивости окружающих, не пришлось бы платить за сусальное золото интерьеров, блеск и помпу, где он мог бы спокойно вознести свои молитвы в церкви, своды которой отзывались бы гласом Божественной гармонии и в которой не было бы отдельных скамей для богатых, желающих молиться отдельно от всех остальных; где он мог бы увидеть простых нищих веселыми, ободренными и вдохновенными помыслами о Небесах; где он смог бы после церковной службы побеседовать с мудрыми, праведными и обходительными людьми, а прежде, чем отправиться в дальнейшее странствие, – насладиться чудными звуками вечернего песнопения.

---

¹⁰ Одна из рек Гадеса, через которую перевозчик Харон перевозил в лодке души умерших в греческой мифологии, хотя некоторые версии гласят, что он плывал по Стиксу. По Гадесу протекало пять рек: Ахерон (горе), Кокит (рыдания), Лета (забвение), Флегетон (пламя) и Стикс (клятвы богов). – Р. Х.

За последнее время масонство настолько широко распространилось и настолько возросло количество его членов, что масонские обязательства постепенно стали для людей значительно менее святы, чем простые обещания, которые как масоны, так и профаны дают друг другу в быту – на улицах и рынках. Масонство требует к себе внимания общества и старается завоевать популярность недостойными методами, включая и публикации в бульварных журналах; оно принимает участие в общественных процессах и даже зачастую выносит свои внутренние противоречия на рассмотрение общественных судов. В некоторых Востоках выборы проходят точно так же, как в политической жизни страны – со всем накалом, с использованием всех недостойных методов, с жестокой борьбой за власть и высокие посты. Пустая pompa, полувоенные форма и замашки мирных обывателей, разворачивающихся в своих Храмах разукрашенные знамена, их яркие и красочные плюмажи и ленты, все это должно, по идее, принести общественное признание и восхищение дам нашему Ордену, столь самонадеянно ищущему уподобления достойным рыцарям, героям и воинам, закованным в стальную броню и кольчуги, презиравшим опасность и саму смерть, оставившим по себе вечную память, освободившим Иерусалим от неверных, сражавшимся при Акре и Аскалоне, бывшим оплотом христианского мира против сарацинских полчищ, выступавших под зеленым знаменем пророка Мухаммеда.

Если ты, сэр [имярек], желаешь заслужить уважение как рыцарь, а не быть просто самовлюбленным ряженым с картонным мечом, ты должен постоянно, со всеми рвением и ответственностью, практиковать добродетели, в следовании которым ты поклялся при посвящении в этот градус. Как может масон клясться в терпимости, а потом порицать своего ближнего за исповедуемые им политические взгляды? Как можно клясться в рвении и постоянном служении Ордену – и оказаться для него не полезнее мертвого и давно похороненного тела? Какую пользу такой человек может извлечь из символики Циркуля и Наугольника, если его чувственные пристрастия и низменные страсти не управляемы, а наоборот – правят нравственным чувством и здравым смыслом, животное начало – Божественным, а земное – духовным, то есть если оба конца его Циркуля остаются скрытыми под углами Наугольника? Какое низкое коварство со стороны такого человека – называть братом того, кого он порочит в профанском мире перед другими людьми, кому он одалживает деньги под проценты, кого он обманывает в деловой жизни, против кого он ведет несправедную тяжбу в суде!

Добродетель, Истина, Честь! Исповедуя их и никогда не уклоняясь от исполнения принятых на себя обязательств, ты будешь воистину достоин именоваться рыцарем, и тогда, будь жив сэр Джон Кандос¹¹, он протянул бы тебе руку, а достойные Св. Людовик, Фолкленд¹², Танкред¹³ и Валдасар

---

¹¹ Английский военный (ум. 1 января 1370 г.), настоящий «солдат удачи», но здесь для Пайка важнее всего, что он в 1349 г. учредил Орден Подвязки. Сражался под знаменами Эдварда – Черного Принца, соперничал с дю Гюискленом, и последний очень высоко его оценивал. – Р. Х.

¹² Луциус Кэри, II виконт Фолклендский (1610 – 1643) – роялист, но при этом член Долгого парламента, политический оппонент Карла I. Когда пуритане захватили власть в Палате Общин, он вышел из состава парламентариев и поступил к королю Государственным секретарем. В течение некоторого времени был казначеем королевского военного флота Британии. Гражданская война ввергла его в ужас, и в сентябре 1643 г. он погиб в битве при Ньюберри. В его честь в 1690 г. были названы Фолклендские острова – Р. Х.

Кастильоне¹⁴ сочли бы тебя достойным своей дружбы.

Рыцарство, как говорил один достойный испанец, подобно религиозному Ордену, и рыцари суть собратья по сонму Господних святых. А посему раз и навсегда отринь всякие злобу и ропот, стань оплотом войны с неуправляемыми страстями и нечестивым рвением, научись ненавидеть грех – но не грешников, смирись с долгом, налагаемым на тебя твоим масонским и рыцарским посвящением, руководствуйся древними принципами чести и рыцарской доблести и со всем постоянством твоей души почитай ту Истину, которая неизменна и свята, как Сам Бог. И превыше всего прочего, памятуй о том, что жизнь наша – не в зависти, цель наша – не в раздорах, здоровье наше – не в разъединении, счастье наше – не в мести; но все это – в любви и доброте, которые величественнее надежды, веры, которые способны сдвинуть горы, которые в действительность суть всё, чего требует и ждет от нас Бог, и в овладении и источении которых и состоит исполнение всех наших обязательств.

[Дополнение Бл.: Бр.: Преп.: В. В. Лорда, 32^о]¹⁵

Нам ничего не остается, кроме как признать истиной, что люди в наш Железный век поклоняются железным, деревянным и бронзовым божкам – плодам труда их собственных рук. Паровой двигатель стал в XIX веке «всевышним богом», которому поклоняются во всем мире, а всякий научившийся пользоваться для своей собственной выгоды его огромной силой вскоре начинает и себя самого считать богом, и так повсюду в цивилизованном мире.

Многие признают – и нам также следует признать, как это ни горестно, что век, в котором мы живем, лишь сокращается, а отнюдь не продлевается за счет всех сделанных в течение него открытий, что вообще за счет них мы утратили гораздо больше, чем обрели. Если даже не преувеличивать, утверждая, словами известного сатирика, что мы «широкою спиною неуклюжей самовлюбленно застим звездный свет», с ним вполне можно согласиться в следующем:

*«Себя вознесли мы превыше богов, теперь можно церкви повсюду закрыть,
В дыму воскурений, в наш век из веков, моторы машин в алтаре заводить,
Любуясь собой и себя лишь хваля, молиться, крича и бия себя в грудь:
Быстрее крутись, вековая Земля! Вперед, век, лети, чтоб уже не вернуть!, -
Одно забывая – чтоб души в трудах свои уподобить Небес вышине*

---

¹³ Норманнский рыцарь-крестоносец (ок. 1076 – 1112), родом с Сицилии, дважды был регентом-правителем Антиохии. Сыграл важную роль в захвате Иерусалима в 1099 г., а также в победе над египетской армией и в завоевании Галилеи. Он был отважным и жестоким воином, однако в памяти людей остался воплощением всевозможных рыцарских добродетелей, но, вероятно, заслуга эта принадлежит Торквато Тассо и его поэме «Освобожденный Иерусалим», где Такред описан именно так, хотя это описание и не вполне соответствует реальности. – Р. Х.

¹⁴ Весьма уважаемая Пайком личность, итальянский дипломат (1478 – 1529). Составил наставление об истинно аристократических манерах своего времени. Также писал стихи по-латыни и по-итальянски. Воплощал все добродетели образованного человека эпохи Возрождения. Известен по портрету кисти Рафаэля. – Р.Х.

¹⁵ Блистательного (достопадного, светлейшего) Брата, преподобного В. В. Лорда – титул члена Консистории по ритуалу Пайка. В современной практике применяется только к носителям тридцать третьего градуса Шотландского Устава. Титул «преподобный» относится к основной профессии В. В. Лорда. – прим. перев.

*И так жизнь прожить, чтобы Страж при Вратах
С улыбкой шагнул и к тебе, и ко мне».*

Обманутые расширившимися, но все равно остающимися крайне несовершенными, своими знаниями, своими ограниченными способностями смирять грубые и жестокие природные силы, люди воображают, что раскрыли тайны Божественной Мудрости, и внутренне, ничтоже сумняшеся, ставят людскую дальновидность превыше Божественной. Пророки предсказывали падение Сидона и Тира, Вавилона и Дамаска, даже Иерусалима, и все из-за грехов их жителей; но в наше время, если пожар пожрет, или землетрясение разрушит, или вихрь сметет с лица земли большой город, тех, кто верит и проповедует, и говорит окружающим о том, что все это суть воздаяния Господнего Суда и разрушения, причиненные Его всеокрушающей Силой, обычно презирают как фанатиков, над ними насмеваются как над чинушами и отвергают их как закосневших в своих догмах фарисеев.

Наука, блуждая во тьме суеверий, стремится «устранить» Божественное Провидение из жизни человека и всей материальной Вселенной и «заменить» Его своими заблуждениями, предрассудками и ошибками, которые горделиво именуется «материальными силами», «силами природы»... Она не видит, или не желает видеть, что все эти «силы природы» суть в действительности различные проявления Божественной деятельности. Вследствие этого наука рано или поздно оказывается в жесткой оппозиции по отношению к любой религии и любой вере, испокон века освещавшей и просвещавшей души людские и внушавшей им понимание их высокого предназначения, их Божественного происхождения и бессмертия, даже такой вере, которая есть Свет, позволяющий душе человеческой узреть и познать самое себя.

Это не просто одна из религий – это основа вообще всех религий, та самая Истина, которая содержится во всех религиях, даже в религиозной концепции масонства, которая ныне в большой опасности. Ибо все религии, как в период зарождения, так и в наше время – вообще на протяжении всего своего существования, основываются на неких неколебимых принципах, приведших в свое время к их появлению, на неких частях их учений, которые общепризнанны как нерушимые и неоспоримые аксиомы, установленные непосредственно Божественным Провидением и не подверженные изменениям или уточнениям в силу поразному складывающихся обстоятельств окружающего материального мира. Наука нашего времени раздвинула колонны Храма, угрожая разрушить его до основания. С другой стороны, ее разрушительные порывы способствовали очищению древнего учения Ордена от многих изъеденных червями и насквозь прогнивших суеверий, позволили ему сбросить с себя узы многих ненужных дополнений и сторонних привнесений – этих населенных лишь совами пещер невежества, этих ничего не подпирающих, фальшивых колонн.

В область знаний науки входят одни лишь феномены, и пустым шарлатанством было бы с ее стороны самозабвенно болтать о том, что ей ведомы силы, причины, порождающие их, что ей известна суть вещей, которым она лишь присваивает имена. Она не более знает об истинной природе света, звука и запаха, чем было известно древнему арийскому пастуху, почитавшему зарю и огонь, свет и тепло как богов. Эта

атеистическая наука в действительности не является и наукой и наполовину, когда приписывает существование Вселенной в единстве всех ее сил влиянию системы неких «законов природы», или некоей «внутренней энергии», или вообще неведомым другим причинам, существующим вне и независимо от Божественных и сверхъестественных сил.

Теория эта была бы хотя бы отчасти оправдана, если бы науке всегда удавалось защитить жизнь и материальное благополучие человека, если бы она была в состоянии похвастаться – не только на словах, но и на деле, некоей определенностью, способностью защитить интересы человека в его борьбе с теми разрушительными силами, которые он сам пробуждает и к которым, пытаясь подчинить себе, наоборот, попадает в зависимость. Философы древности полагали огонь – четвертую стихию – самым полезным и самым покорным слугой человека. Почему человек не способен предотвратить нарушение огнем такого положения вещей – древнего, как Прометей, древнего, как Адам? Почему так до сих пор и нельзя чувствовать себя в полной безопасности, осознавая, что в любую секунду этот слуга может вырваться на свободу, мгновенно превратившись в могучего и жестокого разрушителя? Потому что это тоже природная сила, в конечном счете, всегда высшая по отношению к силам человеческим. И еще потому, что он является также, хотя и в несколько ином смысле, чем человеку, слугой и Тому, Кто отправляет на Землю Своих посланников в виде огненных столбов и искр, Кто царит над всей Природой, как Природа – над человеком.

Существуют природные силы, которые человек даже не стремится познать и подчинить своей воле. Жители Неаполя ничего не могут поделать с Везувием. Вальпараисо сотрясается вместе со всей землей при подземных толчках. Шестьдесят тысяч жителей Лиссабона, погребенные под руинами города, разрушенного совместно землей и водой, ничего не знали о причинах, и никак не могли подчинить себе процессы, повлекшие разрушение их города и их собственную гибель.

Слуга и, в некотором смысле, творение человека – пламя кухонного очага или заводского горна, безответный раб лампы, неусыпно трудящийся в ней, крошечная искра – внезапно вырывается из своей темницы, разорвав цепи, и начинает бушевать в неудержимом гневе, точно вырвавшись из глубин самого Ада, среди обреченных на смерть десятков тысяч людей, каждый из которых лишь несколько мгновений назад считал себя его господином и повелителем. А отважные бригады пожарников со своими водяными пушками, по идее, властители огня, стоят, словно громом пораженные, и не знают, что делать с этим грозным разрушителем или куда бежать от него.

И в других вопросах, касающихся безопасности и интересов человека, мы часто имели возможность наблюдать, как самоуверенная наука приписывает себе совершенно незаслуженную славу победительницы в извечной войне человека с природой, как она стремится занять в умах людей место Провидения, которое и есть, по самому определению, единственно возможная Абсолютная Наука. В начале нашего века, например, огромный и поражающий воображение скачок вперед был всего за пару лет сделан медициной и смежными с ней науками. Смертоносная чума, практически опустошившая Европу в четырнадцатом и пятнадцатом веках и возвратившаяся в нее в веке семнадцатом, была изучена и сопоставлена с теми случаями заболевания, которые поддавались лечению;

ее неизлечимость в прошлом была отнесена на счет отсутствия в грубые и непросвещенные прошлые времена у людей всяких понятий о гигиене. Другое смертоносное заболевание стало значительно менее широко распространенным и опасным благодаря повсеместному введению практики вакцинации. От времен Саградо до времен Сайденгема¹⁶, от Парацельса до Дженнера¹⁷ целительское искусство действительно прошло долгий и плодотворный путь. И врачей вполне можно было бы простить, скажи они: «Человек смертен, многие заболевания смертельны, но инфекционные болезни более не будут, как прежде, уносить сотни и сотни людей, которых можно было спасти; больше не будет пандемий, не будет больше пиров во время чумы и карнавалов среди ужасов повального вымирания».

Но не успеет это самодовольное заявление затихнуть на их устах, из таинственных глубин далекой Индии к нам шагнет ужасный призрак, настоящее чудовище, страшнее которого не видел глаз человека. И не менее чутко, чем тигр из непролазных джунглей, где и зародилась эта страшная болезнь, улавливает запах крови, растекшийся в воздухе, этот незримый убийца, это кошмарное орудие Всевышней Силы, это неотвратимое последствие некоей достаточной и соответствующей причины, нащупывает в атмосфере воздушные потоки, устремленные на Запад, и вместе с ними начинает триумфальное и смертоносное шествие по Европе. За собой эта болезнь оставляет тысячи и тысячи трупов азиатов. Они были безоружны, невежественны, беспомощны, и наука не помогла им, и искусство ничего не сделало, чтобы защитить их. Холера оказалась для них неожиданной, неизвестной и неборимой, подобно самому Азраилу¹⁸ – ангелу Смерти.

И вот она вторглась в Европу и сотрясла академии наук точно так же, как крошечные индийские деревушки и престол персидского хана. Она бесшумно проникла и атмосферу многих застроенных высотными домами, тщательно вымощенных, дезинфицированных городов Запада и дождем выпала на их улицы, как в свое время выпадала на хижины парий в Танжере и узкие зловонные переулки Стамбула. В Вене, Париже, Лондоне вновь разгорелась вакханалия давно уже позабытой Черной Смерти.

*«Ты дрожи, больной на койке,
Ты, сиделка, поживей
Выноси-ка лучше мертвых:
Уж телега у дверей».*

---

¹⁶ Томас Сайденгем (1624 – 1689) – английский врач, считающийся основоположником клинической медицины и эпидемиологии, даже при жизни его называли «английским Гиппократом». Кровью и потом добился введения в медицинский обиход опиума. Как часто бывает с гениями, коллеги считали его самодуром и человеком со странностями, чуть ли не шарлатаном, особенно когда он начал применять хинин для лечения малярии и железо – при лечении анемии. – Р. Х.

¹⁷ Эдвард Дженнер (1749 – 1823) – английский врач, разработавший процедуру вакцинации, первое применение которой в крупных масштабах в Лондоне в 1803 г. сократило количество заболевших оспой с 2018 до 622 человек. Звание доктора медицины было присвоено ему только после успеха вакцинации *honoris causa*. – Р. Х.

¹⁸ Согласно иудейским верованиям, лишь косвенно базирующимся на Писании, имя одного из ангелов, восставших против Бога. отождествляется с ангелом смерти в персидской мифологии – Асмодеем, или Баал-Зебубом (Вельзевулом, «Повелителем Мух», см. Матф. 12:24, 27; Марк 3:22; Лука 11:15, 18, 19), или «хозяином дома» (Матф. 10:25). – Р. Х.

Была ли это кара, назначенная нам Всемогущим Богом? Отчаянной смелости должен быть тот человек, кто взялся бы утверждать это; еще большей смелости должен был бы набраться тот, кто собирался бы отстаивать ту точку зрения, что это не так. Как часто следующие слова пророка, обращенные к «дочери Халдеев», этой Царице Царей, сбывались в Париже, этом европейском Вавилоне: «Мудрость твоя и знание твое – они сбили тебя с пути; и ты говорила в сердце твоём: «я, и никто, кроме меня». И придет на тебя бедствие; ты не узнаешь, откуда оно поднимется, и упадет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отворотить, и внезапно придет на тебя пагуба, о которой ты и не думаешь»¹⁹!

А если говорить о Лондоне, то, скорее всего, это действительно было заслуженной карой, если вспомнить, что одним из важнейших источников азиатской холеры были английская алчность и жестокость, как полагают те исследователи, которые связывают распространение этой болезни с именем тогдашнего генерал-губернатора Индии Уоррена Гастингса²⁰, введшего налог на соль, тем самым лишив этого продукта многие сугубо вегетарианские регионы Востока; и точно так же другое смертоносное заболевание, вечно грозящее Америке с ее границ, коренится в алчности и жестокости работоторговцев, способствующих переносу африканской лихорадки в благоприятствующий ей климат ВестИндии²¹ и Южной Америки. Здесь я, в первом случае, говорю о желтой лихорадке, а во втором – о vomito negro²².

Однако не следует нам, с нашей несовершенной человеческой логикой, делать поспешные выводы об этике деяний Всевышнего. Как бы ни была жестока сама по себе работоторговля, или эксплуатация рабов на континенте и островах Америки, нам следует тщательно анализировать все возможные ее следствия, ибо мудрее, на наш взгляд, было бы сказать то же, что уже однажды сказал Великий Казуист, даровавший миру христианскую религию: «Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете»²³.

Воздаяние свыше отвергает и осуждает месть, даже на словах. Сотрясенный и сожженный город, уничтоженный, опустошенный, обращенный в пустыню, овеваемую всеми ветрами, и униженный, увенчанный терновым венцом покорения жестоким врагом, также достоин

¹⁹ Исаия, 47:10-11. – прим. перев.

²⁰ Первый и самый известный генерал-губернатор Британской Индии (1732 – 1818), правил в 1772 – 1785 гг., дольше всех своих преемников на этом посту. По возвращении в Англию был разжалован, хотя и оправдан по всем выдвинутым против него обвинениям в злоупотреблениях. Был ревностным покровителем ученых, в особенности сэра Уильяма Джонса. Налог на соль, упоминаемый Пайком, служил источником постоянных волнений среди индийцев, что привело, в конце концов, к тому, что Ганди использовал его как основной повод к началу мирного общественного сопротивления английскому владычеству. – Р. Х.

²¹ Архипелаг протяженностью более 2000 км и расположенный между Северной и Южной Америками, к нему принадлежат Куба, Багамские, Бермудские острова, Барбадос и некоторые другие. – Р. Х.

²² Буквально, «черная рвота» (исп.). Собирательное народное название нескольких тропических болезней, в основном, лихорадок. – прим. перев.

²³ От Луки, 13:2-5. – прим. перев.

священного достоинства и воинских почестей достойно погибшего в бою. Низменная людская мстительность при виде его плачевного падения должна в страхе попятиться, ибо перед ней открылась картина беспредельного очищения Самим Господом.

«Прощать достойнее, чем мстить, учит нас масонство. – Лучше любить, чем ненавидеть». Да промолчит всякий видящий в великих потрясениях перст Божий и да убоится сам Божьего Суда!

Люди рождаются высокими или низкорослыми по Божьей милости и по Его выбору. Но внутренняя их природа может быть низкой или возвышенной в зависимости от того, как они ее воспитают сами и как им самим удобнее. Люди не рождаются одни – с возвышенными душами, а другие – с низменными. Мысля, человек не вырастет физически, но вполне может возвысить свою душу. Одним усилием воли он способен или вырасти в титана нравственности, или пасть до положения нравственного пигмея.

В человеке соседствуют две природы: высшая и низшая, возвышенная и низменная, достойная и недостойная, и он может и должен усилием собственной воли соотнести свое «я» с первой или со второй, то есть сделать выбор. Масонство в своем извечном стремлении возвысить достойную человеческую природу над недостойной, духовную – над материальной, то есть Божественную сторону человеческой сущности над ее животной стороной. В стремлении к достижению этой великой цели рыцарские градусы одновременно соперничают и сотрудничают с остальными степенями, наставляющими в величественных истинах нравственности и философии. Великодушие, милосердие, доброта, умение прощать и смирять свои страсти, вот неизменные и незаменимые добродетели каждого истинного и совершенного рыцаря. Когда низменная и злая сторона нашей природы нашептывает вам: «Не отдавайте! Лучше сохраните свои милости для погрязших в бедности друзей или просто достойных незнакомцев, только не даруйте их богатым и знатным врагам, которым вы нравитесь, только когда вас постигают удары судьбы», Божественная сторона нашей природы неизменно вмешивается: «Благотворите ненавидящим вас... ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Разве не то же ли делают и мытари?²⁴» то есть, в данном случае, не только сборщики податей, но также и злые гонители, и вооруженные римские легионеры, и жестоковыйные иудеи, считающие вас своими врагами.

---

²⁴ От Матфея, 5:44, 46. – прим. перев.